

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXI. Пермская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого ; Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел. СПб. : Слово, 1904. 301 с.

Информация об авторе

Бобицкий Александр Владимирович – магистрант второго года обучения департамента “Исторический факультет” УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Ленина проспект, 51. hist@urfu.ru)

Bobitsky A.V.

MARRIAGES OF THE DISABLED IN THE RESULTS OF THE RUSSIAN IMPERIAL CENSUS OF 1897: THE CASE OF VOLYN, VYATKA AND PERM PROVINCES

The article is devoted to the problem of marriages of the blind from birth, blinded, deaf, mute and mentally disabled on the basis of the Russian Imperial Census of 1897. The study was based on data on three provinces comparable in population size.

Key words: Census of 1897, Nuptiality, Disability, Morbidity

Information about the author

Bobitsky Alexander – Graduate student of the Department of History (Ural Federal University, Lenina Ave. 51, Ekaterinburg 620083, Russia. E-mail: hist@urfu.ru)

УДК 316.614.5

Н.Н. Васягина, И.В. Ельцова

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ОТЦА

В статье осуществлен анализ культурно-исторических трансформаций образа отца. Авторы приходят к выводу, что будучи интегративным отражением отцовства, как явления, характерного для конкретной культурно-исторической реальности, и регулятором поведения субъектов, образ отца накладывает отпечаток на реализацию отцовских функций, определяет социологические и психологические аспекты брачности и задает вектор демографическим процессам.

Ключевые слова: образ отца, отцовство, архетип отца, отцовские функции, демографические процессы

За последние десятилетия современное российское общество претерпело значительные изменения, связанные с процессами модернизации мировой цивилизации и модификацией основных общественных институтов, задающих новые стандарты жизни человека, которые, преломляясь через уникальность культурного своеобразия российской ментальности, оказывают существенное влияние на мировосприятие отдельного человека, и общества в целом, задают психологический сценарий развертывания демографических феноменов, в том числе феноменологии отцовства.

По утверждению И.С. Кона, отцовство в большей мере является социально обусловленным феноменом, нежели материнство, а потому его специфический стиль зависит от множества социокультурных условий и изменяется от культуры к культуре [8]. Подтверждение обозначенная позиция находит в широком классе исследований, показывающих, что образ отца, как многоуровневая динамическая подсистема психики, изменяется в зависимости от эпохи, социально-политической, экономической и культурной ситуаций в обществе (Н.Н. Васягина, Т. П. Гаврилова, Дж. Кэрнея, Р. Ларосса, Л. Маркса, С. Менсона, М.Мид, И. Остроуха, Р. Палковитца, Л. Плантина, Дж. Плека, А. И. Подольский, А.

М. Прихожан, Н. Радина, А. Ротундо, Э.Фромм и др.). В соответствии с этим, любые изменения в обществе способствуют формированию «нового» образа отца, изменяя его содержательные характеристики. Не претендуя на всестороннее освещение заявленной проблемы, в настоящей статье мы проследим за культурно-историческими трансформациями содержания образа отца.

Впервые образ Отца аккумулировал социальный опыт жизни первобытных людей. Власть праотца над соплеменниками была абсолютной, дети его боялись, подражали ему и одновременно за покорностью скрывали ненависть, зависть и восхищение [5]. Эти и другие особенности образа Отца нашли отражение в разнообразной мифологии. Так, боги восточнославянского пантеона (Ярила, Перун, Белобог и Чернобог, Велес и др.) символизируют влияние природных сил на человека и покровительствуют различным сферам жизни (земледелие, ремесла, военное дело и т. д. Особое место отводится здесь богу Солнца - Даждбог, олицетворяющему мужское начало и мужскую основу мироустройства. В мифах об Олимпийских богах Зевс ассоциируется с абсолютной властью и сферой разума, Посейдон – с царством эмоций, Аполлон отображает законодательную сферу отцовской власти, Гермес выступает в качестве посредника между отцовской волей и ее исполнением в обществе, Арес воплощает агрессию.

В патриархальной культуре закрепляется архетип Отца, символизирующий авторитет и власть, который воплощается в образах Царя и Мудрого Старца. Например, в сказках иллюстрируется более высокое социальное положение мужа по сравнению с женой. Дети также подвластны воле отца, который проявляет ее в виде советов и поучений. Отец, который учит сына добру, жизни в согласии – часто встречающийся персонаж в сказках. Так проявляется воспитательная функция архетипа Мудрого Старца, задачей которого является концентрация представлений о прошлых событиях, моделирование настоящего и будущего и передача знаний молодому поколению [10].

Возникновение христианства предлагает понимание божественной семьи (Бог-Отец, Бог-Сын и Дева Мария) и Святого семейства (Иосиф-Обручник, Иисус и Дева Мария). В Божественной семье доминирует Бог-Отец, он высится над Сыном и Богородицей и является скорее невидимой силой, правящей семьей издали, не имея конкретного облика. В модели Святого семейства Образ Отца-кормильца воплощен в Иосифе-Обручнике – земном муже Девы Марии. Иосиф несет ответственность за семью, однако доминирует в семье сын Иисус. В образе Иосифа воплощено христианское отношение к ребенку не как к своей собственности, а как к богоданному существу. Поскольку ребенок является даром Божиим, то Отец-воспитатель испытывает уважение и почтение к ребенку. Иосиф реализует мужскую любовь к ребенку, которая является более твердой и последовательной, теплой и сердечной, чем природная и непоследовательная любовь матери. Ребенок дан Богом Иосифу на хранение, это дар Божий, посему у Иосифа-Обручника нет права распоряжаться его душой, телом и судьбой, он обязан создать предпосылки для выполнения ребенком миссии земной жизни, обеспечить ему душевный комфорт [9].

Идеальная христианская семья строится на основе принципа власти: совмещения ответственности и доминирования. Главенствует тот, кто несет большую долю ответственности. Психологическая близость служит вторым параметром отношений, компенсирующим вектор доминирования-ответственности. Муж как глава семьи обязан нести груз ответственности, жена смиренно занимает второе место. Неудивительно, что архетип Царя наделен важнейшими функциями: поддержанием стабильности и обеспечением развития подвластных ему территорий и структур (семьи, организаций и государства). Ценностью данного архетипа считается зрелая и ответственная любовь с целью удовлетворить потребности тех, кто признает его главенство [1].

В традиционной российской семье вплоть до конца XIX века культивируется образ отца - работника, сохраняющего власть и осуществляющего контроль над домочадцами. Так, мужчины косили, пахали, разгружали телеги, ездили в лес за дровами, плотничали, кололи дрова, досматривали лошадей, а также продавали свою продукцию и почти всегда покупали

все необходимое для хозяйства. Домашней работой, воспитанием и обучением детей предписывалось заниматься женщине. Отец как глава семьи был обособлен от Матери и ребенка, а главными обязанностями детей были абсолютное послушание, любовь к родителям, забота о них в старости. Отец управляет домашним хозяйством, сам активно участвуя в хозяйственной деятельности; контролирует работу, выполняемую домочадцами; берет на себя тяжелые физические, «мужские» виды деятельности в быту; сохраняет и укрепляет имущество семьи. Он сохраняет и поддерживает символический капитал семьи и рода, осуществляет контроль над домочадцами, основанный на безусловном авторитете, и участвует от имени семьи в деятельности институтов публичной сферы. Именно Отец ответственен перед государством за выполнение семейных обязательств [10].

Активное вовлечение женщин в экономическую сферу с начала XX века нивелирует значение Отца как необходимого компонента в материальном обеспечении семьи, однако экономическая культура общества продолжает опираться на авторитет Отца и знания Мудрого Старца, отдавая предпочтение таким традиционным мужским характеристикам, как предприимчивость, активность, открытость к инновациям. Эмоциональная близость Отца с детьми часто остается символической, а их реальные взаимоотношения большей частью осуществляются при посредничестве Матери [6].

Наметившаяся трансформация образа Отца, получила развитие в советский период: советский мужчина верен социалистическим идеям, борется за строительство коммунизма, ставит государственные и партийные интересы выше личных интересов, поддерживает труженицу-мать и экономически обеспечивает семью [2]. Таким образом, социальную желательность приобретают качества, отражающие участие мужчины в производственной сфере и общественно-политической жизни, в то время как семейная жизнь отодвигается на второй план. Образ Отца актуализируется лишь там, где есть элементы авторитарности, однако он все реже определяется через мужскую идентичность. Любой человек (мужчина и женщина), облеченный властью, проявляет по отношению к остальным качества отцовского архетипа. Достижение гендерного равенства в различных областях жизни становится одним из главных приоритетов государственной политики. Изменение понимания роли отца порождает проблемы взаимоотношений отцов и детей [8]. Сложившаяся социокультурная ситуация привела к девальвации института отцовства, ослаблению роли отца в семье, обесцениванию его участия в жизни ребёнка, и отрицанию его необходимости для полноценного развития потомства [12].

Тенденции, раскрывающие низкий статус образа отца в сравнении с образом матери, закрепляются в произведениях народного творчества, искусстве и литературе. В качестве примера достаточно привести отечественные мультфильмы, снятые по произведениям авторов разных времён и стран, где сплошь и рядом «растёт безотцовщина». Сюжет зачастую несет в себе негативный (отстранённый, безучастный, безвольный, инфантильный) образ отца». В качестве примера, можно привести известные мультфильмы «Малыш и Карлсон», «Простаквашино», «Морозко» (где отец увозит свою дочь в лес по наставлению жены), «Красная шапочка» (отсутствие отца, а волк, как мужское воплощение - эгоистичен, коварен, хитер) и так далее [3]. Отец – это мрачный алкаш на картине Маковского «Не пушу», неласковый и эгоистичный судья в повести Короленко «Дети подземелья», суровый и резкий губернатор в рассказе Станюковича «Побег» и др. [1].

В постсоветский период, наряду с переосмыслением общечеловеческих ценностей, происходит переосмысление проблематики отцовства. С одной стороны наметились попытки возрождения изначальной сущности отцовства, возвращения к его архетипическим истокам, с другой с другой – усилились тенденции обусловленные ролевыми конфликтами мужчины: для одних роль отца несовместима с профессиональным ростом и ролью «свободного» мужчины, для других сложности взаимоотношений с собственными родителями и связанная с этим безответственность являются препятствием для выполнения отцовской роли [1]. В такой ситуации архетип Отца, являющийся воплощением порядка, социального воспитания и мужской защиты, вступает в конфронтацию с реальным положением дел, а потому образ отца

приобретает амбивалентное содержание, что воплощается в противоречивых, амбивалентных, а порой и в деструктивных (девиантных) моделях отцовства[6].

Так, согласно исследованиям Р. В. Манерова, проблемы, связанные с девиантным отцовством, являются весьма острыми и актуальными в наше время. Он перечисляет следующие формы отклоняющегося отцовского поведения, часто сочетающиеся и дополняющие друг друга: уход из семьи, отказ от совместной жизни с супругой (подругой) и своим (часто еще не родившимся) ребенком; проявление насилия по отношению к своему ребенку; безразличное отношение к нему. Причины отклоняющегося отцовского поведения, по мнению автора, обусловлены большим количеством сложновзаимодействующих факторов, таких как культурные, социальные и семейные особенности и ценности, особенности взаимоотношений со своим отцом, модель отцовства в родительской семье, несформированность матрицы отцовского отношения, личностные особенности современных отцов (эгоцентризм, инфантильность, сексуальная неразборчивость) [11].

Анализируя результаты современных исследований, посвященных изучению образа отца, мы приходим к выводу, о неоднородности, многообразии закрепленных в сознании россиян образов отца, которые содержат как положительные, так и отрицательные характеристики. Например, в исследовании И.О. Шевченко выявлены противоречия в содержательной наполненности образов «современный отец» и «мой отец». При описании «современных отцов» респонденты наделяли последних преимущественно негативными характеристиками: «они не участвуют в воспитании детей», «бесхозяйственные», «безразличные и отстраненные по отношению к ребенку». Кардинально противоположные характеристики наполняют образ «мой отец»: «ответственный», «решительный», «хозяйственный», «добрый», «заботливый», «понимающий». Автор считает, что противоречие вызвано стереотипами, бытующими в современном обществе, о том, что в мире все больше материнских семей, а отцы совершенно не участвуют в жизни детей; в полной же семье обязанности по воспитанию отцом перекладываются на мать [13].

Не менее интересными являются данные, полученные в других исследованиях. Так, Е.О. Ковалева, изучая образ идеального отца, обнаружила, что идеальный отец определяется как уверенный в себе лидер, несущий ответственность за семью, заботящийся о ней. Однако если данные характеристики принимает на себя женщина, образ отца остается неопределенным [7]. С. В. Липпо отмечает, что образ отца, символизируя авторитет, для детей обоих полов определяется через успешность отца, его социальный статус и является одной из ключевых характеристик, обуславливающих стремление к самоактуализации у детей. При этом если для девочек образ отца является проекцией будущих отношений с мужем, то мальчики напрямую идентифицируют себя со своими отцами, а достижения отцов становятся основой для самоуважения [9].

Таким образом, в современном российском обществе явно обнаруживаются полярные тенденции, иллюстрирующие неоднородность, противоречивость и многоаспектность репрезентации образа отца. Смещение акцентов в его образе от «вершины власти» к маргинализации, нивелированию мужских обязанностей и делегированию их женщине, к безответственности и инфантилизму, прочно закрепившихся в образе отца, эти характеристики соседствуют с указанием на расширение диапазона отцовских ролей, утверждением их активной позиции в воспитании детей, утверждению новой модели отцовства.

Подводя итоги рассмотрения культурно-исторических трансформаций образа отца, мы приходим к выводу о его особом статусе: важность образа отца для каждого человека и общества в целом, позволяют говорить о нем как о категории, заслуживающей исследовательского внимания и претендующей на изучение как самостоятельной проблемы. Будучи интегративным отражением отцовства как явления, характерного для конкретной культурно-исторической реальности, и регулятором поведения субъектов, образ отца накладывает отпечаток на реализацию отцовских функций, определяет социологические и психологические аспекты брачности и задает вектор демографическим процессам.

Список источников

1. Борисенко Ю. В. Психология отцовства / Ю. В. Борисенко. М.; Обнинск : «ИГ-СОЦИН», 2007г. - 56 с.
2. Васягина Н.Н. Семейное воспитание и условия его эффективности /Н.Н. Васягина// Актуальные проблемы психологии образования коллективная монография. Екатеринбург, 2015. С. 194-212.
3. Денисенко И. Образ отца или «отец не считается». Мужской взгляд. postila.ru/Picture/46978429
4. Евсеенкова Ю. В., Портнова А. Г. Отцовство как структурно-динамический феномен // Сиб. псих-я сегодня : сб. науч. тр. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. Вып. 2. 259 с.
5. Зойя Луиджи. Отец: Исторический, психологический и культурологический анализ. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 280 с.
6. Звонарева А. Е. Идеально-нормативный образ отца в процессе конструирования советских отцовских практик: автореф. диссертации на соиск. кандидата социологических наук: 22.00.04 / А. Е. Звонарева. Нижний Новгород, 2011.
7. Ковалёва Е.О. Образ идеального отца: особенности представлений у юношей// Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1.; URL: <https://scienceeducation.ru/ru/article/view?id> (дата обращения: 22.03.2017).
8. Кон И. Мужчина в меняющемся мире: лекция / И. С. Кон / Интернетпроект «ПОЛИТ.РУ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2006/12/29/kon/>. – Дата доступа: 10.03.2017.
9. Липпо С. В. Образ отца как фактор самоактуализации личности: автореф. на соиск. ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.01 / С. В. Липпо. СПб., 2006.
10. Мид М. Отцовство у человека – социальное изобретение / М. Мид // Культура и мир детства : Избранные произведения. М., 1988. С. 308–321.
11. Манеров Р.В. Психологическая диагностика отцовства как проявления личностно-смысловой сферы мужчины // Справочник практического психолога. Психодиагностика / под ред. С.Т. Посоховой. СПб., 2005.
12. Пастухова М.В. Развитие отцовства: норма и девиация // Культура и образование (электронный науч.-практ. ж-л). – 2013. – № 1 (1). – 13 с.
13. Шевченко И.О. Представления россиян об отцах и отцовстве // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. № 7 (126). С. 144–153.

Информация об авторах

1. Васягина Наталия Николаевна (Россия, г. Екатеринбург) – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии образования ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (620017 Свердловская область, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. E-mail: vasyagina_n@mail.ru);
2. Ельцова Ирина Владимировна (Россия, г. Екатеринбург) – аспирант кафедры психологии образования ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (620017 Свердловская область, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. E-mail: eltsova_74@mail.ru).

Vasyagina N.N., Yeltsova I.V.

CULTURAL AND HISTORICAL TRANSFORMATIONS OF THE IMAGE OF THE FATHER

The article analyzes the cultural and historical transformations of the father's image. The authors come to the conclusion that being an integrative reflection of paternity as a phenomenon characteristic of a specific cultural and historical reality and regulator of the behavior of subjects,

the image of the father imposes an imprint on the realization of paternal functions, determines the sociological and psychological aspects of marriage and sets the vector to demographic processes.

языке

Key words: father's image, fatherhood, father's archetype, father's functions, demographic processes

Information about authors

1. Vasyagina Natalia Nikolaevna (Russia, Yekaterinburg) - Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology of Education, FGBOU VO "Ural State Pedagogical University" (620017 Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Cosmonauts Avenue, 26. E-mail: vasyagina_n@mail.ru);

2. Yeltsova Irina Vladimirovna (Russia, Yekaterinburg) - postgraduate student of the Department of Psychology of Education of the Federal State Educational Establishment of Higher Education of the Ural State Pedagogical University (620017 Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Cosmonauts Ave., 26. E-mail: eltsova_74@mail.ru). Информация об авторах на английском языке

УДК: 314.018/38(045)

А.Ю. Денисов

РЕПРОДУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ: ПОДХОДЫ И МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ

Анализ литературы показывает, что существует два подхода к оценке репродуктивного потенциала: биологический и социологический. Для обществ, которые завершили демографический переход, принципиальное значение имеет второй подход. В большинстве случаев он реализуется посредством приравнивания репродуктивного потенциала к уровню репродуктивных установок. Однако в статье показаны ограничения, которые не позволяют отождествлять эти понятия и делают определение репродуктивного потенциала самостоятельной научной проблемой, а не апробированной научной методикой.

Ключевые слова: Рождаемость, потенциал, репродуктивный потенциал, методология, валидность

Постановка проблемы. Первым ученым, о котором достоверно известно, что он дал научное определение и в дальнейшем использовал в своих работах термин «репродуктивный потенциал», стал американский биолог Р. Чапмен (R. Chapman). Так, в своей классической работе «Экология животных» он определил репродуктивный потенциал как максимально возможный уровень увеличения рождаемости в условиях отсутствия смертности [4, с.114]. Предложенный понятийный аппарат был соотнесен Р. Чапменом с развитым понятийным и статистическим аппаратом демографии на основе работ А. Лотке (A. Lotka) [4, с.195].

В дальнейшем термин «репродуктивный потенциал» получил относительно широкое распространение в демографии, биологии и экологии. Анализ демографической литературы позволяет выделить общий и частный аспект определений понятия. Во всех работах практически неизменно репродуктивный потенциал интерпретируется как *максимально возможный при определенных условиях уровень рождаемости*. Однако можно выделить две различные интерпретации того, что считать максимально возможным, которые можно условно назвать биологической и социологической. В первом случае репродуктивный потенциал интерпретируется как *биологически максимальный уровень рождаемости вида*.

Данный подход наиболее близок к изначальному смыслу, заложенному в работах Р. Чапмена. Его развитие привело к появлению хорошо известных методик: гипотетического минимума естественной рождаемости В. Борисова (далее – ГМЕР), индексов Э. Коула,